

70-летие Алешковский намерен отметить «обыкновенной пьянкой»

На этой неделе Юзу Алешковскому исполнится семьдесят лет. Он все так же напрочь лишен всякого тщеславия. С 79-го года проживает в Америке и изредка приезжает в Москву. В один из таких наездов, накануне юбилея, нам удалось найти Алешковского на даче у Леонида Ярмольника. На нашу просьбу об интервью Юз в свойственной только ему манере заявил:

— Идите в ж...! Я устал оригинальничать, отвечаю на вопросы. Не обижайтесь. Так я всем нынче говорю. А вы из какой газеты?

— Из «Комсомолки».

— А-а, частенько читаю. В Нью-Йорке иногда покупаю. Нравится вы мне. Ладно, спрашивайте.

— Все, кто уезжал из России, давно вернулись, а вы — нет. Почему?

— У них, наверное, «бабок» не хватает. А у меня все в порядке. Могу себе позволить ездить по всему миру. О возвращении в Россию никогда не задумывался и сейчас не хочу. Здесь у меня «ни кола ни двора».

— А там — гараж «Мерседесов» и полно недвижимости?

— Нет, но все же — две «тачки» и три этажа.

— Вы уехали из СССР ровно двадцать лет назад. Принято считать, что вас загнала Советская власть. Но в одном из своих давних интервью вы сказали, будто бы личной обиды на нее у вас нет.

— Правильно, личной обиды нет. На эту власть у меня есть обида за то, что она причинила другим людям, нашей культуре. Но мне она не мешала писать «в ящик». Слава Богу, что она, крыса, не отняла у меня карандаш и бумагу. Советская власть была реальностью, и жизнь вместе с ней я воспринимал такой, какой она была. Знаете, не люблю, когда некоторые мои м...ы-коллеги пицчат: «Если бы не Советская власть, я бы зафигачил такое гениальное сочинение!» Такие люди для меня полное говно.

— Но ведь власть засадила вас на три года за решетку.

Много лет назад его книги тайно передавали из рук в руки, хранили под матрацами, а ночами с фонариком перечитывали под одеялом. Его песни («Окурочек», «Товарищ Сталин, вы - большой ученый...») пели по всей стране

— Так я же сидел не за политику, а за обыкновенное хулиганство. Однажды опаздывал на поезд, влез в первую попавшуюся машину, чтобы доехать до вокзала. Откуда я знал, что эта машина принадлежит секретарю райкома партии. Кое-как меня догнали и впяли: угон плюс сопротивление.

— По какому случаю сейчас приезжали в Москву?

— Посещал книжную выставку. Вышла новая книга с моими старыми сочинениями: «Каракуль», «Кенгуру» и «Руру».

— А сейчас над чем работаете?

— Пишу роман и две пьесы. Роман пишется тяжело. Наверное, дряхла уже. И название пока не придумал. Может быть, «Слепой», а может, и «Глаз». С пьесами полегче, но тоже «со скрипом». Одну обозвал «Борис Бодунов». Вторую — «Убийство Сергея Миронича Банкирова». О чем они, пока не расскажу.

— По случаю юбилея намечаются торжества в Америке?

— Отмечу только с близкими друзьями. Устроим обыкновенную пьянку. Меня пытались спровоцировать на что-нибудь помпезное в Нью-Йорке, но я отказался. Мне это претит!

— В России отмечать не станете? Здесь ведь у вас не меньше друзей.

— Поверьте мне на слово — мы в эти дни здесь так неотмечались! На весь век хватит. Уж попили за мое здоровье!

— Все так же с водочкой гуляете?

— Сейчас я уже редко гуляю под аккомпанемент народной артистки СССР Ольги Ивановны Водяры. Не то, что раньше! Разлюбил я водяру. Не бросил, правда, а разлюбил. Это, как брак — не любишь, но иногда сношаешься.

Беседовал Олег ПЕРАНОВ.
Фото из журнала «Огонек».

